

W. G. FORREST, A History of Sparta 950—195 B.C., London, 1968

В своей книге, посвященной истории древней Спарты, В. Форрест основное внимание уделяет внешнеполитической истории Спарты. Внутриполитические проблемы нашли отражение, главным образом, в экскурсах, из которых первый посвящен так называемым реформам Ликурга, а второй — проблемам населения. В основных главах (их 15) излагаются события спартанской истории, начиная со времени прибытия дорийцев и вплоть до времени царствования Агиса IV, Клеомена III и тиранин Набиса.

Анализируя литературную традицию о Спарте, В. Форрест обращает внимание на фрагментарный и порой запутанный характер источников. Однако вместе с тем автор иногда впадает в гиперкритику¹.

Важной проблемой раннеспартанской истории стало дорийское переселение. Сопоставляя сведения литературной традиции и данные археологии, автор приходит к выводу, что между этими двумя видами информации имеет место «утешительное взаимосогласие» (стр. 27), однако фактическое расхождение между традиционной и археологической датами возникновения в Лаконии спартанского государства в 250—300 лет не позволяет согласиться с этим утверждением В. Форреста². По данным археологии, на территории Лаконии около XIII в. до н. э. было по крайней мере четыре ахейских поселения³. Однако нет никаких доказательств, подтверждающих существование здесь в додорийский период централизованного государства.

Говоря о проникновении дорийцев в Лаконику, В. Форрест высказывает предположение о двух волнах дорийского вторжения: в 1200 г. до н. э. и около 1000 г. до н. э. Дорийцы, поселившиеся первоначально в долине Эвроты, вступили в борьбу с местным населением, и В. Форрест, полагает, что главной причиной их агрессивности была нехватка земли и быстрый рост населения (стр. 33). Война требовала консолидации сил, вследствие чего в конце IX — начале VIII в. до н. э. начался процесс синоикизма.

Исследуя вопрос о происхождении статуса периэков и илотов в Спарте, В. Форрест (стр. 28—35) связывает их возникновение со спартанским завоеванием и подчинением соседних территорий. Дальнейшее развитие спартанского общественного строя было связано с Первой и Второй Мессенскими войнами. Первую Мессенскую войну автор датирует 735—715 гг. (стр. 20, 35). По мнению В. Форреста (стр. 71), спартамцам удалось завоевать не всю территорию Мессении, но лишь нижнее и среднее течение реки Памис (район долины Макарин и город Стениклар). Однако основания для такого вывода очень непрочные, а именно — противоречивые фрагменты Тиртея и список олимпийских победителей, согласно которому мессенец Фенес одержал победу в Олимпийских играх после окончания Первой Мессенской войны (Paus. IV, 17, 9).

По мнению автора, победа Спарты в Мессении в значительной степени определила пещифику ее исторического развития более чем на три века (стр. 38). Недостаток земли и вызванные этим острые социальные проблемы заставляли многие города вступать на путь колонизации и переходить от земледелия к более широкому развитию торговли и ремесла. Мессенские войны оказали значительное влияние на развитие спартанского общественного строя и обусловили необходимость проведения различных реформ. Тем не менее вывод В. Форреста о том, что спартанский социально-политический режим оформился после окончания Первой Мессенской войны в начале VII в. (676 г. до н. э.) в результате деятельности Ликурга, вызывает возражение.

¹ Так, например, он приводит высказывание Фукидида (Thuc. V, 68) о спартанской секретности, не позволившей ему выяснить некоторые вопросы, имеющие отношение к армии лакедемонян (стр. 16). На этом основании автор склонен сомневаться в достоверности некоторых сведений Фукидида о спартанской истории. Между тем это высказывание совершенно не раскрывает всей сложности проблемы отношения Фукидида к Спарте. См. также рец.: К. М. Т. Chrimes, «Class. Rev.», 1970, 20, стр. 58—59.

² Chrimes, ук. соч., стр. 58.

³ H. Waterhouse, R. Hope Simpson, Prehistoric Laconia I, ABSA, 55, 1960, стр. 67—107; F. Kiechle, Laconien und Sparta, München, 1963; V. d'A Desborough, The last Mycenaens and their Successors, Oxf., 1964.

Проблеме Ликурга, которая не перестает быть дискуссионной и в наши дни, отведено в книге значительное место. Некоторые современные исследователи, развивая идеи Дж. Тойнфера⁴, стали склоняться в пользу историчности Ликурга. К этой группе историков принадлежит и В. Форрест, который относит период деятельности Ликурга к первой половине VII в. до н. э. (стр. 59—60). Однако никаких основательных аргументов в пользу историчности Ликурга, кроме рассуждений общего характера, эти исследователи привести не могут.

Одним из важнейших законодательных актов, приписываемых Ликургу, была так называемая большая ретра, содержание которой приводит Плутарх (Лус. VI). В. Форрест (стр. 40—55) связывает ее появление с реорганизацией Карнейских игр, о чем сообщает Деметрий из Скепсиса в переложении Афинаея (IV, 141 E—F) и датирует ретру 676 г. Следуя выводам А. Дж. Битти и Д. Л. Хаксли⁵ о том, что обы имели племенной характер и ссылаясь на сообщение Деметрия, В. Форрест (стр. 44—46) отождествляет девять больших объединений, возникающих в Спарте во время проведения Карнейского фестиваля, с обами, хотя для этого, на наш взгляд, нет никаких оснований. Его утверждение, что в Спарте было более пяти об, построено только на предположении⁶. Из многих проблем, возникающих при анализе ретры, наибольшее значение имеет постановление, касающееся народного собрания — *ὅπως εἰσφέρειν τε καὶ ἀφίστασθαι* —, ибо оно позволяет до некоторой степени выяснить социально-политическую направленность всего документа.

В. Форрест выделяет в процедуре проведения народного собрания в Спарте четыре этапа и считает, что ретра утвердила руководящую роль герусии: 1) внесение предложения геронтами; 2) дискуссия в народном собрании; 3) новая формулировка решения геронтами; 4) утверждение решения (стр. 48). При этом, если народ не соглашался с герусией и царями, они имели право распустить собрание. Автор, игнорируя сообщение Плутарха о том, что дополнение к ретре прибавлено значительно позже, в период правления Полидора и Феопомпа (Лус. VI), и считая поправку составной частью самой ретры, усложняет процедуру проведения народного собрания. Содержание ретры указывает на то, что, по-видимому, этот документ гарантировал политические права демоа. Поправка же к ретре, принятая позже, ограничивала апеллу в пользу герусии.

Ретра, по мнению В. Форреста, не могла появиться ранее VII в. до н. э., однако, учитывая архаический язык ретры и особенности ее содержания, мы склонны присоединиться к мнению тех исследователей, которые датируют этот документ серединой VIII в. до н. э., т. е. временем после синоикизма. Спартанская конституция, как нам представляется, не была результатом одного законодательного акта. В истории ее развития можно выделить, по крайней мере, три этапа. Принятие так называемой большой ретры Ликурга в середине VIII в. до н. э. положило начало первому этапу — формированию спартанского полиса. Следующий этап связан с событиями Мессенских войн.

В течение VIII—VII вв. Спарта покорила Лаконию и Мессению и подчинила местное население. Во второй половине VIII в. до н. э. (по датировке В. Форреста, стр. 69) восстали мессенцы и началась Вторая Мессенская война, в результате которой Спарта, несмотря на победу, оказалась очень ослабленной, обострились социально-экономические и политические противоречия (Herod., I, 65—66; Thuc., I, 18; Arist., Pol. V, 6, 2). Неудачными были также войны с Аркадией и в первой половине VI в. до н. э. Все это, по-видимому, и привело к социально-экономическим и политическим изменениям внутри спартанского общества. Этот процесс начался вскоре после Второй Мессенской войны и, насколько можно судить из текста Геродота (Herod., I, 65—67), к 40 г. VI в. до н. э. в основном уже был завершен. Сущность этих изменений заключалась в проведении реформ, предполагавших, помимо нововведений, реставрацию институтов и

⁴ J. T o e p f f e r, Die Gesetzgebung des Lykurgos. Beiträge zur griechischen Altertumswissenschaft, В., 1897, стр. 358.

⁵ A. J. B e a t t i e, An Early Laconian Lex Sacra, ClQ, 45, 1951, стр. 48; G. L. H u x l e y, Early Sparta, L., 1962, стр. 24, 48.

⁶ О пяти спартанских обам см. P a u s., III, 16,9; 19,6. Cp. P. O l i v a, Sparta and her Social Problems, Prague, 1971, стр. 81—82.

обычаев, существовавших еще в период родо-племенных отношений. Среди этих реформ следует отметить выделение 9 тысяч клеров, создание так называемой общины равных, укрепление роли эфората, оформление спартанской системы воспитания и завершение перехода к гоплитскому военному строю. Эти реформы и привели к созданию военизированного спартанского государства, сократившего до минимума свои контакты с другими греческими полисами, особенно за пределами Пелопоннеса.

Важнейшей особенностью спартанской общественной жизни после введения так называемых ликурговых законов стал изоляционизм, который проявлялся, во-первых, в политике ксенеласии, во-вторых, в исключении из обращения всякой монеты, кроме железных сплц. Археологические данные свидетельствуют о резком сокращении спартанской внешней торговли в середине VI в. до н. э. В. Форрест (стр. 57) объясняет эту экономическую изоляцию тем, что она не выдерживала конкуренции с Афинами, захватившими средиземноморский рынок.

Важным вопросом внешней политики Спарты во второй половине VI в. до н. э. является ее отношение к тираническим режимам. Автор выясняет степень участия Спарты в свержении тиранов, список которых передает Плутарх, и исследует причины борьбы Спарты против тиранов (стр. 79—84). Существует довольно обширная историческая традиция об антитиранической направленности спартанской внешней политики, к которой в 1911 г. прибавился еще один фрагмент папируса, представляющий собой отрывок из сочинения неизвестного автора II в. до н. э.⁷ В. Форрест, на наш взгляд, недооценивает значение этого документа. Между тем содержание его позволяет утверждать, что начало антитиранической политики Спарты приходилось на период эфората Хилона, т. е. 556/5 гг. до н. э. (Diog. Laert., I, 68; ср. Mar. Par. 41).

Сохранившийся текст подтверждает высказанный Геродотом намек на враждебность Хилона к тирании (Herod., I, 59), более того, благодаря этому фрагменту папируса стало бесспорным фактом то, что список изгнанных Спартой тиранов, известный нам до этого в передаче Плутарха и схолиаста к речи Эххина «О преступном посольстве» (Plut., De Mal. Herod. 21 c—d), уже существовал и в более древнее время.

Говоря о падении тирании Кипселидов, В. Форрест, по-видимому, правильно замечает (стр. 80), что Спарта не имела прямого отношения к этому событию. Что же касается других случаев свержения тирании, то автор считает, что основной причиной выступлений Спарты была угроза персидского нашествия (стр. 80). С этим трудно согласиться. Если принять, что начало антитиранической направленности в политике Спарты относится ко времени правления Хилона, то в этот период, по крайней мере до падения Сард в 547/46 гг. до н. э., ни сама Спарта, ни другие полисы материковой Греции не ощущали еще персидской угрозы. Кроме того, В. Форрест, не раскрывая социально-экономических предпосылок выступлений Спарты против тиранов, игнорирует свидетельства Геродота и Фукидида, которые объясняют действия лакедемонян, исходя из особенностей спартанского общественного строя.

Требует уточнения, как нам представляется, и решение В. Форрестом вопроса об отношении Спарты к Персии. Его утверждение (стр. 81), что спартанская внешняя политика второй половины VI в. до н. э. была обусловлена страхом перед персами, по-видимому, не совсем точно характеризует существо дела.

В 50-х — начале 40-х гг. VI в. в своей персидской политике Спарта делает главную ставку на Лидию. Археологический материал позволяет говорить о существовании тесных экономических отношений между Лидией и Спартой с VII в. до середины VI в. до н. э.⁸ Несмотря на то, что с середины VI в. наблюдалось сокращение спартанской торговли, политические связи с Лидией не только не прекратились, но в какое-то

⁷ Catalogue of the Greek Papyri in the J. Rylands Library, ed. A. Hunt, I, 1911, № 18; F. J a c o b y, FGrH, II C, frg. 105, 1.

⁸ G. M. A. H a n f m a n n, Excavations at Sardis, «Bulletin of the American scholl of Oriental research», № 154, 1959; № 162, 1961; № 166, 1962; № 174, 1964; № 182, 1966; № 157, 1960; № 177, 1965, № 186, 1967; № 187, 1968; № 189, 1970. См. также G. M. A. H a n f m a n n, Sardis und Lydien, Mainz, 1960; G. L. H u x l e y, The early Ioniens, L., 1966, стр. 110.

время между 550 и 548 г. был даже заключен лидийско-спартанский союз (Herod., I, 6; 69, 77, 82, 89).

Заключая союз в Крезом, лакедемоняне надеялись, что могущественная лидийская держава сумеет противостоять персам и станет защитой для эллинских городов М. Азии. После разгрома Лидии Спарта считала более приемлемой политику, которая не втягивала бы ее в непосредственные военные действия против персидского государства и его союзников. Отказывая ионийским городам в помощи, Спарта не была близорукой и эгоистичной, как думает В. Форрест (стр. 89). Внутриполитическое и внешнеполитическое положение Спарты⁹ заставляло ее не предпринимать рискованные мероприятия, но, укрепив свои позиции в Пелопоннесе и Центральной Греции, объединить антиперсидские силы для отпора врагу.

Рассматривая в общих чертах возникновение Пелопоннесского союза, В. Форрест (стр. 88), следуя выводам Дж. Ларсена¹⁰, придает большое значение собранию спартанских союзников 505 г. до н. э., полагая, что оно конституционно оформило Пелопоннесскую лигу.

Специальную главу В. Форрест посвящает деятельности спартанского царя Клеомена I (стр. 85—94), который пришел к власти в обстановке острой борьбы с представителем другой ветви Агиадов Дорием. Мы согласны с утверждением В. Форреста, что в этой борьбе нужно видеть отражение различных подходов к внешней политике Спарты¹¹. Однако впоследствии В. Форрест, к сожалению, более не проводит связей между внутривнутриполитическим положением Спарты и ее внешней политикой. Поэтому отсутствие в книге анализа внутривнутриполитической борьбы в Спарте, нашедшей отражение в конфликте между Клеоменом и Демаратом, представляет собой, на наш взгляд, значительное упущение автора.

Сокрушение могущества Аргоса и освобождение Афин от тирании под предводительством Клеомена, бесспорно, подняли авторитет Спарты и ее царя в Пелопоннесе и остальной Греции. Однако неудача антиафинской экспедиции, которая распалась прежде, чем дело дошло до сражения с Афинами, вскрыла препятствия на пути к окончательному утверждению спартанского могущества. Этому мешали, во-первых, обострение конфликта между Клеоменом и Демаратом, во-вторых, влиятельное положение проперсидских кругов во многих эллинских городах, в-третьих, разногласия между Спартой и ее союзниками, в-четвертых, отсутствие сил внутри Афин, на которые могла бы опереться Спарта в своих действиях.

Эти препятствия Клеомен, как известно, успешно преодолел; низложил своего соперника Демарата, возглавлявшего проперсидские круги, по-видимому, не только в Спарте, но и на Эгине, заставил Эгину отказаться от союза с персами, что, несомненно, имело немаловажное значение для будущей победы при Саламине. После неудачных попыток свергнуть афинскую демократию Клеомен устанавливает дружественные отношения с Мильтиадом, укрепившим к тому времени свое положение в Афинах. Во всем этом следует видеть стремление Клеомена укрепить авторитет Спарты и объединить под ее началом государство материковой Греции для отражения персидского нашествия.

Характеризуя события Пелопоннесской войны 432—404 гг. (стр. 110—122), В. Форрест пытается всю ответственность за внешнюю политику Спарты возложить на герусию (стр. 113). Однако в источниках перед нами являются случаи, когда инициаторами тех или иных внешнеполитических мероприятий выступают эфоры, например, Сфенел,

⁹ Подробнее см. об этом В. М. Стрөгедки, Спарта и Ионийское восстание, ВДИ, 1973, № 3, стр. 134 сл.

¹⁰ J. A. L a r s e n, Sparta and Ionian Revolt, ClPh, 27, 1932, стр. 136 сл.; о н ж е, The Constitution of the Peloponnesian League, ClPh, 28, 1933, стр. 257 сл.; ClPh, 29, 1934, стр. 1 сл.; о н ж е Representative Government in Greek and Roman History, Berkeley, 1955, стр. 47 сл.; о н ж е, Federation for Peace in Ancient Greece, ClPh, 39, 1944, стр. 145—162.

¹¹ См. об этом В. М. Стрөгедки, Африканская и сицилийская экспедиции Дориев, ВДИ, 1971, № 3, стр. 64—77.

сторонник войны с Афинами, эфоры — противники Никиева мира. Поскольку эфоры, по выражению Аристотеля, обладали тиранической властью и контролировали все магистратуры, несомненно, они принимали активное участие при обсуждении важнейших вопросов государственной политики.

Во времена Пелопоннесской войны спартанская система, в том числе и всякая организация, выдержала все испытания и привела Спарту к победе. Однако после 404 г., когда была достигнута полная победа над Афинами, Спарта с ее ликурговым режимом стала быстро разрушаться, так как, по мнению В. Форреста (стр. 126), спартиаты не знали, как воспользоваться победой.

Главную причину разрушения спартанского космоса и катастрофического разгрома в битве при Левктрах, возвратившего Спарту к границам 750 г. до н. э., автор видит прежде всего в пороках так называемой ликурговой конституции (стр. 124 сл.), которая по его мнению, не смогла противостоять разложению спартанской общины равных, что привело к ослаблению военной организации спартанского общества, и не сумела помешать проникновению демократических элементов в Пелопоннес. В период полисного устройства не могло быть достаточно крепкого и долговременного превосходства одного какого-нибудь полиса над другими. Кроме того, длительные войны сами по себе вели к разрушению основ полисной системы.

Война выделила крупных полководцев и политических деятелей типа Брасида и Лисандра. В. Форрест отмечает, что появление этих личностей было симптомом начинающегося политического кризиса в Спарте (стр. 128). Однако замечание, сделанное мимоходом, не получило у него развития. Как верно показал в своей книге Э. Д. Фролов¹², деятельность Брасида привела к изменению общей стратегии войны и к повышению военной и политической роли отдельных полководцев. Анализируя события второго периода Пелопоннесской войны, В. Форрест справедливо отмечает, что в Спарте выступали две политические силы — сторонники Павсания и Лисандра (стр. 120—126). Однако детальной характеристики политической борьбы В. Форрест не дает. Действия Лисандра противоречили принципам так называемой ликурговой системы, защитниками которой были Павсаний и эфоры. Пример Лисандра, как справедливо замечает Э. Д. Фролов, свидетельствует о развитии в Спарте двух опаснейших тенденций: объективное повышение роли отдельных военачальников, вызванное условиями войны, и соответствующий рост честолюбивых устремлений у возвысившихся полководцев и политиков¹³.

Этот конфликт показал, что Спарта перестала быть эталоном стабильности и порядка и что так называемый ликургов космос уже вступил в период своего разложения. Важнейшими симптомами социального кризиса спартанского общества были сокращение числа спартанских граждан и глубокая социальная дифференциация среди спартиатов. Клеры сосредотачивались в руках немногих семей, а их прежние владельцы переходили в разряд гипомейонов, то есть свободных спартиатов, потерявших вместе с клерами и свои гражданские права. В этот же разряд вошли и так называемые неодамоды, которые, по-видимому, были получившими свободу илотами. Хотя они не имели гражданских прав, тем не менее их использовали в качестве гоплитов на службе в армии. Кроме этих категорий населения, в Спарте были также так называемые эфеты, адеспоты, эриклеты, диспозивауты и мофаки, о социальном происхождении которых известно очень мало, но, по-видимому, они также были выходцами из илотов. Обострение социальных противоречий в Спарте достигло такого накала, что в 398 г. до н. э. возник заговор Кипадона.

Автор замечает, что прецеденты дарения и завещания земельных участков имели место в Спарте еще до начала IV в. до н. э., что в конечном итоге сделало старый закон о неотчуждаемости клеров простой фикцией. Однако вряд ли можно согласиться с тем, что ретра Эпитадея возникла ранее IV в. до н. э. (стр. 137). Скорее всего она, будучи

¹² Э. Д. Фролов, *Греческие тираны*, Л., 1972, стр. 42 сл.

¹³ Э. Д. Фролов, *ук. соч.*, стр. 48.

принята в начале IV в. до н. э., лишь узаконила уже возникшую практику распоряжения клерами¹⁴.

Проблемы эллинистической Спарты нашли отражение в двух последних главах книги. В одной из них (стр. 138—142) автор дает краткий обзор внешнеполитической истории Спарты после 371 г. до середины III в. до н. э. Исследование внутривнутриполитического положения Спарты автор ограничивает лишь характеристикой деятельности спартанского царя Арея.

Поражение при Левктрах и потеря Мессении в значительной степени определили цели и задачи спартанской внешней политики в то время. Вплоть до конца IV в. до н. э. Спарта отказывалась признать независимость Мессении и всячески препятствовала укреплению аркадского союза. После установления македонского господства в Греции Спарта, отказавшись присоединиться к Коринфскому конгрессу, старалась объединить независимые греческие полисы с тем, чтобы, воспользовавшись удобным случаем, вернуть себе утраченное господство. Первый раз благоприятная для Спарты ситуация возникла в 333—331 гг. до н. э., когда Агис в надежде на персидскую помощь попытался объединить эллинские города и открыл военные действия против Александра Македонского. Однако это не принесло желаемого результата Спарте. В начале III в. до н. э., вступив в борьбу с Пирром, Спарта под руководством царя Арея добилась значительных успехов и вновь стала претендовать на гегемонию в Пелопоннесе. С такими намерениями лакедемоняне включились в так называемую Хремонидову войну, но и на этот раз они потерпели поражение. Объясняя эти события, В. Форрест замечает в адрес спартанской внешней политики, что она «упорствовала в глупости» (стр. 139). Анализ событий показывает, что такая политика была для Спарты исторической необходимостью. Столкновение произошло между полисной системой и монархической формой правления. В отличие от V в. до н. э., исторические преимущества теперь оказались на стороне последней, поскольку полис был поражен глубоким социальным кризисом.

Одной из важнейших особенностей спартанской истории IV — начала III в. до н. э., как справедливо отмечает В. Форрест, было распространение наемничества. К сожалению, автор не проследивает его влияния на социально-экономические отношения. В последней главе, посвященной событиям спартанской истории второй половины III — начала II в. до н. э. (стр. 143—150), автор ограничивается лишь краткой характеристикой деятельности царей-реформаторов Агиса и Клеомена. Не менее крупные фигуры историка Филарха, антиквара Сосибия и политического теоретика Сфера оказались вовсе обойденными автором.

Подводя итог, следует отметить, что В. Форрест высказывает ряд интересных соображений, и его книга, несмотря на некоторую неровность в изложении материала и противоречивую характеристику отдельных событий дает читателю возможность ознакомиться с современным состоянием изучения проблем древней Спарты.

В. М. Строгоцкий

¹⁴ O l i v a, ук. соч., 188—191; A. T o u n b e e, Some Problems of Greek History, L., 1969, стр. 337—339.